

В июне есть две даты, мимо которых не пройдешь и которые не забудешь. В первый день месяца мы отмечаем Международный день защиты детей. А спустя три недели – День Памяти и Скорби.

Ранним воскресным утром 22 июня 1941 года на нашу страну вероломно напала гитлеровская Германия. В этот день пролегла трагическая черта, поделившая жизнь граждан Советского Союза на **до и после** войны.

Эти две даты тесно взаимосвязаны и знаменательны по-особому. Когда приходит беда, мы прежде всего защищаем от нее ребенка. Мы не думаем о себе, спасая его. Ребенок – продолжение жизни. И чтобы не прервалась жизненная нить, мы должны сберечь своих детей. Это долг каждого взрослого.

Мы знаем и помним, что ни один ребенок, потерявший родителей во время Великой Отечественной войны, не остался брошенным на произвол судьбы. Одни становились «сыновьями полка», другие юнгами, третьи находили человеческое тепло в детских домах. Все они получали образование, профессию. Строили свои семьи.

Для нашей война стала суровой школой жизни. Кто мог, уже тогда помогали взрослым. Об этом вы, наши читатели, узнаете, прочитав публикацию «У голубого обелиска». Сегодня школьники продолжают благородное дело поисков следов без вести пропавших. «Никто не забыт и ничто не забыто» – эти слова стали призывом нынешних поколений и клятвой хранить память о тех, кто погиб, защищая мир от фашистских полчищ...

Но беда приходит не только во время войны. Тысячи обездоленных, беспризорных детей бродит сегодня по России. Что же произошло? Это результат «перестройки» и «демократизации» нашей страны. Я бы назвала это «коммерциализацией душ», полного безразличия «сытого» к «голодному», которых сейчас немало в нашем обществе. И снова прежде всего страдают дети. Неокрепшие ребячьи души по-своему бунтуют или приспосабливаются в этой жизни.

Но во все времена, даже в самые смутные находились люди для которых горе ребенка – душевная боль. И они ищут и находят возможности, как спасти детей, как их одеть, накормить и выучить, чтобы в будущем они стали достойными гражданами своего Отечества.

И таких людей, ответственных за судьбу подрастающего поколения, становится больше. Общество просыпается от безразличия к судьбе ближнего, вспоминая, что «человек человеку – друг!» Пора вспомнить и о том, что будущее нашей страны – в наших детях. Давайте помогать им и защищать от жизненных невзгод, как это делает, например, отец Алексей.

«Общество и дети». Эта тема ждет своего раскрытия от каждого из нас.

Светлана КАЛЬНИК

У голубого обелиска

Уважаемая редакция!

Пишет вам бывший учитель истории Башкиров Алексей Николаевич. Лет десять я работал в селе Борисово-Судское Бабаевского района Вологодской области. Занимался краеведением и помогал местному музею. Ходил с учениками школы к ветеранам войны и записывал их воспоминания (к 40-летию Победы, 1985 год). Потом более или менее обработал их. Кое-что было опубликовано в районной и областной печати. Другие посылаю вам. Материалы ценны тем, что война представлена с точки зрения людей, которые были ее участниками. Я выбрал самое интересное и примечательное. Солдатские воспоминания записал полностью, так как там трудно что-либо выкинуть. На эту работу ушло несколько лет. Потом я работал в Вологде учителем рисования и стал заниматься графикой. Высылаю некоторые свои работы. Может, они пригодятся для журнала.

Творческих вам успехов!

Всего доброго. Спасибо за то, что не забываете людей, которые всем пожертвовали для нас, ныне живущих. Я имею в виду участников той Священной войны. Это были замечательные, прекрасные люди. Жаль, что многие из них ушли от нас.

С уважением, А. Башкиров

1. Госпиталь в школе

9 Мая народ идет на кладбище помануть павших в годы той страшной войны. Много цветов и венков в этот день, играют редкие гармошки, много улыбок и поцелуев... Погода бывает разной – от солнечной до слякотной. Как-то раз шли к колхозному памятнику с факелами. Помню торжественные линейки памяти у Голубого обелиска, который построен силами учителей и учащихся Борисовской средней школы.

В школьные годы и я стоял с автоматом Калашникова у братской могилы на кладбище города Бабаево... Звучат короткие поминальные речи, воздух и сердце разрывают сухие залпы. В такие дни преобразаются ветераны, а их осталось совсем мало. Мой отец всегда надевал специальный праздничный костюм с наградами и весь словно светился. Правда, во время Минуты молчания слезы текли у него по щекам...

Есть такие могилы и места, над которыми не произносят благодарственных слов и на которые не возлагают цветов. Как-то местные старушки рассказали мне о безымянном холме, что находится на сельском кладбище. А показала его ветеран войны Задорожная

Мария Михайловна. Было известно только то, что здесь похоронены умершие в госпитале раненные. Узнав об этом, я просто не мог не поехать в Военно-медицинский музей Министерства обороны. И в первых числах августа 1986 года начал работу над документами госпиталя в военно-медицинском архиве в Ленинграде.

Среди документов госпиталя нашлась алфавитная книга умерших. И сегодня я сообщаю список воинов, навсегда оставшихся лежать в Борисово-Судской земле:

Ведерников Иван Федорович
Абатулин (или Абадулин) Сатбаг
Дарханов Даниил Антонович
Захаров Василий Владимирович
Кубышкин Иван
Коновальцев Кузьма Георгиевич
Кравченко Николай Никифорович
Кушпарев Иван Романович
Лукин Федор Васильевич
Милицын Константин Николаевич
Околаев Алексей Васильевич
Панов Михаил Сергеевич
Сабаргалеев Ахмерали
Холщев Кузьма Афанасьевич
Урубаев Сергей Фомич
Шарин Дмитрий Павлович
Трутнев Афанасий Степанович
Половинкин Антон Андреевич

Вечная им память!

Все же нашлись в безбрежном море документов эти бесценные страницы. Спасибо работникам архива. Они сделали максимум возможного. Вместе с ними побывал в самом хранилище. Огромные горы документов поражают. Они ждут своих исследователей.

Одна находка тянет за собой другую. В официальной истории госпиталя я нашел короткое упоминание о школьниках. «Раненые обслуживаются бригадой школьников. Среди юных артистов особенно запоминается школьник Алеша, которого зовут «Борисовским Лемешевым». Мне чрезвычайно повезло, ибо такого рода сведения очень редко встречаются в отчетных документах. Горизонт поиска расширился.

2. Они помогли раненым

С помощью учителей и учащихся Борисовской средней школы удалось собрать необходимый материал о том, как школа помогала раненым. Очень трогательное письмо написала **Нина Павловна Медникова**, в то время она была ученицей.

«Опасность нарастала, приближался к нам и фронт. Об этом говорило появление у нас эвагоспиталя, — писала она. — Все классы были заняты ранеными. Здесь им оказывалась первая необходимая медицинская помощь, здесь их подготавливали к эвакуации в более отдаленные от фронта госпитали. При необходимости здесь же делали и сложные операции.

Врачи и весь медперсонал жили тогда с нами, в наших квартирах. Раненые поступали в госпиталь почти ежедневно. Их было много, так что медперсоналу было трудно. Вначале на помощь к ним пришли наши учителя, а следом за ними и мы. После уроков шли в госпиталь и весь вечер ухаживали за ранеными. Старались по возможности облегчить их тяжелое состояние, вызвать врача, с кем-то побеседовать по душам, отправить письмо родным, что-то подать или убрать. Услышишь слова «сестра», «сестричка» и спешишь туда, так как совсем не было раненых, которые могли бы ходить и сделать что-то нужное для себя самостоятельно.

Были и такие тяжелые случаи, когда трудно было сдерживать свои переживания и лишь тайком вытирали мы свои слезы. Особенно тяжело было переживать трагические случаи, когда никакие усилия врачей не могли спасти жизнь раненого. Помню, как в классе, смежном с залом, посреди комнаты лежал раненый с гипсом на всей ноге. Лежал он с закрытыми глазами, не двигаясь, и стонал всю ночь. И стон этот был таким тягостным, что я, придя домой, долго не могла успокоиться. На следующий день увидела, что на том месте посреди комнаты лежит уже другой. Все мне стало понятно и еще более тяжело. Помню и еще очень тяжелый случай. Я обратила внимание, что в зале, в северо-восточном его углу, на кровати лежал очень молодой солдат, лет восем-

надцати, а там, где должны быть его ноги, было как-то плоско и ровно. Мне хотелось отогнать ужасную догадку, я вышла в коридор и спросила об этом медсестру. Оказалось самое печальное: у этого восемнадцатилетнего паренька ампутированы обе ноги. Я заплакала. Но надо было собрать все силы, чтобы подойти к нему. Я спросила, как обычно, как он себя чувствует. И ни слова о его ранении. Он же стал мне рассказывать о своей маме, какая она добрая и хорошая и какую вкусную капусту она всегда готовит. Тут же добавил, что поел бы он сейчас маминой капусты. Уходя с дежурства, я спросила медсестру, нельзя ли принести ему капусту. Она объяснила мне, что врачи обычно не разрешают приносить что-либо из продуктов, их хватает. Но, увидев, что я расстроилась, разрешила, но только не при врачах.

На следующий день паренек угощался моей капустой и говорил, что она совсем как мамина, что скоро он увидит маму. И опять ни слова не сказал о своих болях. Все его слова и думы были о маме, о встрече с ней.

Надо сказать, что раненные очень стойко переносили боли, страдали, но не жаловались, терпели. Слово вышла в этих людях какая-то особая сила, вызванная, видимо, сознанием выполненного ими долга перед Родиной и народом. Эта сила и помогала им переносить все.

Заботились о раненых не только учителя, но и учащиеся. Девочки приходили в госпиталь небольшими группами и устраивали маленькие концерты: пели, читали стихи. Бойцам очень нравились их выступления. Иногда они спрашивали у девочек о делах в школе, о событиях на фронте».

Интересные воспоминания написала **Клара Георгиевна Семина**, выпускница 1942 года Борисовской школы. «Иногда нас приглашали в перевязочную. Она находилась в бывшем 10-м классе. Там я однажды «онокфузилась». Меня попросили, надев марлевую повязку, держать поднос с хирургическими инструментами возле врача, делающего перевязки. Хирург был немолодой, строгий, но не лишенный юмора. На перевязку привели молодого коренастого солдата. Рана была широкая. Хирург плеснул на нее перекиси водорода, которая тут же закипела на ее поверхности. Мне стало как-то не по себе. Закружилась голова, поднос покачнулся на моих ладонях, я отвела глаза от раны и стала смотреть в сторону.

— Смотри! — коротко и сердито крикнул на меня врач. — Смотри на рану, а не на потолок! Ты в госпиталь пришла работать! Нервных барышень у нас тут не бывает. Смотри, говорят тебе!

Я вытаращила глаза над марлевой повязкой, от страха боялась пошевелиться. И тут и хирург, и сестра расхохотались. Видимо, очень уж комично я выглядела.

Но в перевязочной мы работали лишь тогда, когда штатных медработников не

хватало. Основная же наша работа была в палатах.

Нередко нас просили остаться на индивидуальный пост у постели тяжелораненого. Мы оставались. Помню, я целую ночь просидела возле раненого в живот пожилого солдата. Он лежал один в палате, где раньше у нас был кабинет химии. Он был без сознания, с кожей темно-коричневого цвета, с глубокими темными глазницами. Мне сначала стало страшно, но я сказала себе: «Кричать о любви к защитникам Родины легче? А когда нужна реальная помощь одному из них — так в кусты?» И страх пропал. Я просидела рядом с ним всю ночь при свете копилки. Он тяжело умирал, и на рассвете его не стало. Я шла домой по еще почти ночному зимнему парку, через три часа мне надо было уже идти в школу. Было очень тяжело и горько: вот еще один наш солдат погиб. На моих глазах... Но госпиталь есть госпиталь. Там и боль, и кровь, и смерть тоже, к сожалению. Но в госпитале она особенно горька: ведь человек умирает не на поле боя, а в тылу, казалось бы, уже в безопасном месте».

О работе госпиталя рассказывает **Галля Швец**: «На каждое дежурство я несла с собой книги из личной библиотеки отца. Дежурила я сначала в палате, где лежали рядовые солдаты. На первых порах мной овладевали страх и жалость при виде искалеченных людей, стон, услышанный во время дежурства, застревал в сердце, и хотелось делать, делать что-то хорошее, чтобы облегчить людские страдания. Во время моих дежурств я видела двух умирающих, картины эти до сих пор перед глазами. Я никогда не забуду юношу, который заплакал отчаянно, по-мужски, когда мы писали письма бойцам на родину по их просьбе. Этому было горько: у него не было левой руки и обеих ног, он хотел, чтобы его считали погибшим.

Потом меня брали в перевязочную. Сначала «катали» бинты, а затем приходилось поддерживать раненых во время перевязки. Это были трудные часы (хотя и короткие), привыкнуть к специфическому запаху, видеть окровавленные бинты, мучения раненых было тяжело. Иногда наступало обморочное состояние, тогда врач гнал выпить холодной воды и просил додежурить».

Никогда девочки не забудут увиденное и испытанное.

...Сияет белоснежное здание бывшей дворянской усадьбы. Звучат веселые детские голоса. Здесь был когда-то госпиталь. Здесь сражались Жизнь и Смерть, как на поле боя. Здесь Сила духа побеждала порою невыносимое Сстрадание. Сегодня об этом напоминает лишь голубой обелиск среди огромных лип.

**Рисунки автора
Алексея
Башкирова**

Клуб № 6